

Кадетская переключка

№ 79.

www.kadetpereklichka.org

2008

Полковник Е. П. Исаков

Педагогическая система русских кадетских корпусов

По системе К. Д. Ушинского

Один из образованнейших людей своего времени, президент Петербургской Академии Наук, Великий Князь Константин Константинович привнес в кадетские корпуса педагогические принципы системы **К. Д. Ушинского**, в то время как гражданской средней школой, ориентированной на западные образцы воспитания малолетних, эта система оказалась, можно сказать, невостребованной. Именно в кадетских корпусах воспитание мальчиков и юношей было **целостно-полным** – оно строилось на любви к Богу, Царю и Отечеству, родной природе и было **патриотическо-народным** воспитанием.

Игру, труд, школьную и семейную жизнь ребенка Ушинский называл «действиями» его нравственного развития. Плодотворность их работы, направленной на формирование *разумной, гуманной, чувствующей* личности, определяется тем, как учитываются и используются следующие два фактора: **свободная инициативная деятельность** воспитанника и **среда**, в которой он растет. *Всякая человеческая душа, – писал педагог, – требует деятельности, и смотря по роду этой деятельности, которую дает ей воспитатель и окружающая среда и которую она сама себе отыщет, – такое направление и примет ее развитие. От недостаточной оценки этой основной психологической истины происходят главные ошибки и еще чаще упущения и в педагогической теории, и в педагогической практике.*

Нет нужды доказывать очевидное: самое сильное воспитательное действие на ребенка оказывает та его деятельность, которая доставляет ему удовольствие, которую он любит. И первая ее характеристика - **свобода**. *Стремление к деятельности и стремление к свободе так тесно связаны, что одно без другого существовать не может. Деятельность должна быть «моя», увлекать «меня», выходить из души «моей», следовательно, должна быть свободна.* (Свобода происходит от «**свой быт**»). *Свобода же затем только мне и нужна, чтобы делать «мое» дело. Отымите у человека свободу, и вы отнимете у него истинную душевную деятельность.*

Однако, существует и такая вещь, как **необходимость**. Она стесняет жизнь, ставит свободе препятствия, которые приходится преодолевать. Только в стеснениях человек создает свое **свободное бытие**. Он привыкает делать не только то, что любит, но и то, что лежит на его обязанности. Если что-то мешает рождению такой привычки, не исключается и **принуждение** - в классных занятиях, в уборке комнат, в аккуратной носке одежды и т. п. Вывод очень четкий:

человек, который не умеет принудить себя делать то, чего он не хочет, никогда не достигнет того, чего хочет.

Очевидно, что в таких условиях преодоления собственных желаний и нежеланий укрепляется **воля** человека, которую Ушинский называл *властью души над телом*. И эта власть формируется только в опыте, в деятельности. Если подросток бездельничает, такой опыт отсутствует совершенно. *Вот почему праздность детей бывает причиною множества безнравственных поступков. Если в каком-нибудь заведении дети страдают от скуки, то надобно непременно ожидать, что появятся и воришки, и лгуны, и испорченные сластолюбцы, и злые шалуны.*

Ушинский также предупреждал, что не всякая активная деятельность детей есть благо. Если в ней нет никакого содержания, а лишь одно наслаждение ею и ее плодами, последствия могут быть весьма плачевными. В частности, возможно развитие и укоренение *извращенного стремления к свободе*, которое чаще всего выражается в *упрямстве, своеволии и болезненном самолюбии*. Результат – неуживчивость человека.

Упрямство нельзя лечить ломкой. Нужно *действовать против его причин*. Если в основе своеволия - ложно понятый стыд перед товарищами, следует внимательно изучить, насколько верны представления воспитанника о чести, дружбе, товариществе, и тактично, но настойчиво корректировать их до правильных. Неуступчивость в играх лечится исключением ребенка из них, а каприз - невниманием к нему или, в тяжелых случаях, наказанием. При этом - никакого проявления гнева. Каприза должен отчетливо видеть в каре лишь последствия своего поведения.

Предупреждать упрямство воспитанника гораздо полезнее для его нравственного развития, чем исправлять его. И воспитателям полезно знать рекомендации К. Д. Ушинского на этот счет. Вот они:

а). *Главная предупреждающая мера есть по возможности ровная жизнь, не возбуждающая в ребенке слишком сильных и сосредоточенных желаний.*

б). *Должно удовлетворять всем законным требованиям ребенка прежде еще, чем они перешли в сильное желание.*

в). *Должно всегда доставлять ребенку возможность деятельности, сообразной его силам, и помогать ему только там, где у него не хватает сил, постепенно ослабляя эту помощь с возрастом ребенка.*

г). *Никогда не обещать ребенку (того), чего нельзя выполнить, и никогда не обманывать его.*

д). *Если приходится отказать дитяти, то отказывать решительно, разом, без колебаний и потом не менять своего решения.*

е). *Не отказывать в том, что можно дать или дозволить.*

ж). *Если упрямое желание уже проявляется, то обратить в другую сторону внимание дитяти или прекратить распространение каприза быстрым наказанием.*

з). *Воля воспитателя должна быть для дитяти такою же неизменною, как закон природы, и чтобы ему казалось столь же невозможным изменить эту волю, как сдвинуть с места каменную стену.*

и). *Не заваливать ребенка приказами и требованиями, предоставляя ему возможно большую независимость; но немногие требования воспитателя должны быть неизменно выполнены, а невыполнение – влечь за собой наказание с такою же точностью, как нарушение физических законов здоровья влечет за собой болезнь.*

к). *Расположение духа воспитателя не должно иметь влияния на ребенка; приступая к ребенку, воспитатель должен помнить, что это человек уже другого мира, которому нет дела до наших забот, что это человек будущего, которое принесет ему свои заботы.*

Надо также иметь в виду, что опасным противником воспитателя в работе, направленной на укрепление в ребенке воли, является *детская лень*, явление довольно распространенное, если не сказать «обыкновенное». Маленький человек может быть просто нерасположен к тому делу, к которому приучают его взрослые. В частности, это относится к учебным занятиям. Неудачи в них отвращают от самого желания получить знание, и это - одна из причин детской лени. Следовательно, чтобы предотвратить ее укоренение, нужно создать условия, при которых

успешное освоение урочного материала становилось бы неизбежным, хотя и нелегким. Победа, достигнутая напряженным трудом, в молодом сердце вызывает радость и зовет к новым успехам.

Однако лень может развиться и оттого, что учение дается человеку очень легко. В этом случае задача педагога состоит в том, чтобы нагрузить воспитанника по его реальным силам.

Итак, главное правило педагогики сформулировано Константином Дмитриевичем Ушинским следующим образом:

Дайте душе воспитанника правильную деятельность и обогатите его средствами к неограниченной, поглощающей душу деятельности. Если воспитателю не удастся найти дело, к которому лежит душа воспитанника, это нисколько не означает, что ребенок бездарен. Надо искать дальше - и *душепоглощающая* деятельность откроется для него. И очень важно, чтобы время такого поиска включало многосторонние отношения воспитанника и, следовательно, знакомство с многообразными видами деятельности. Нельзя допускать, чтобы найденное, в конце концов, дело входило в застой - оно обязательно должно обновляться, совершенствоваться, наполняться новыми идеями. Свободный, т. е. излюбленный труд, идущий успешно и прогрессивно, легко по степени энергичности своего хода преодолевающий препятствия и связанные с ними страдания, увлекаемый все вперед и вперед целью дела, а не его удовольствием и останавливающийся на наслаждениях только во время необходимого отдыха, - вот что должно быть идеалом здорового воспитания.

Педагогической системе К. Д. Ушинского вполне соответствовали те основные принципы, от которых не должны были отходить воспитатели кадет:

1. **Любовь к детям.** Нельзя допускать разделения кадет на «любимчиков» и «остальных».

2. **Доверие.** Его временно не удостоивается лишь кадет, уличенный в воровстве. Такой воспитанник по приказу директора корпуса на определенное время (до 1 месяца) лишается погон и права занимать место в общем строю и за общим столом.

Повседневно и неустанно нужно внушать всем воспитанникам, что кадет лгать не способен, что он всегда говорит только правду. Педагогам необходимо иметь в виду, что если в ответ на какой-либо вопрос кадет отвечает молчанием или просто отказывается отвечать, значит правдивого слова он сказать не может - или связан честным словом, или его честный ответ нанесет вред товариществу. В неблагоприятных поступках кадет сознается **сам за себя**. Должно быть безусловное неприятие ябедничества и доносительства.

Честность и прямотушие - самые хрупкие качества детского и подросткового характера: их легко разрушить, например, деспотическим отношением воспитателя, строгими и частыми несправедливо налагаемыми взысканиями, придирками, неискренностью педагога и т. п. Сломанное прямотушие чаще всего замещается **подхалимством** - худшим, единственно неисправимым из всех пороков военного человека. Угодничество - это тот множитель, который обращает в отрицательную величину все остальные достоинства личности.

3. **Уважение к личному достоинству каждого кадета.** Несдержанность, крик воспитателя, оскорбление воспитанника словом, уязвление его самолюбия намеренно несправедливым отношением - все это признаки профессиональной непригодности педагога. Сквернословие - сугубая непригодность, а рукоприкладство - преступление.

4. **Равенство всех кадет** - независимо от возраста, их социального прошлого, титулов, чинов и богатства или бедности их родителей, личного интеллектуального и физического развития. Нужно всячески отваживать кадет от хвастовства, уберегать от соблазнов «роскошной жизни». Ради равенства следует запретить носить или даже просто иметь часы, какие-либо украшения, предметы кадетской формы индивидуального изготовления. Всегда поощрять угощение всех без исключения кадет класса сладостями, полученными от родственников или знакомых.

5. **Исключение какой бы то ни было «ломки» характеров.** Но настойчивая, незаметная для кадет **коррекция их привычек** и ценностных ориентиров обязательна. Как и неперемное поощрение даже малейших сдвигов в лучшую сторону.

6. **Воспитание примером.** Все делать для того, чтобы кадеты подражали педагогам в умении носить форму одежды, по-русски красиво говорить, правильно ходить, держать осанку. Офицеры-воспитатели, преподаватели должны запретить себе, например, держать руки в

карманах, жестикулировать при разговорах, употреблять слова жаргонного свойства, появляться в Корпусе неряшливо одетыми или небритыми, курить в присутствии кадет. О появлении педагога на службе в нетрезвом состоянии не может быть и речи.

7. Воспитание трудом - как подготовка воспитанников к самообслуживанию в быту, опрятности, добросовестности, готовности сделать любую, пусть и неприятную, но нужную работу, и научить другого тому, что умеешь делать сам. Чистота в Корпусе, поддерживаемая усилиями всех и каждого, должна стать неким культом. Наказание трудом категорически исключается.

8. Недопущение в классах и ротах противоборствующих группировок. Коллективные драки детей - явление в Корпусе недопустимое. А вот от потасовок-поединков не уйти. Любыми способами направить кадет на то, что выяснение отношений на кулаках всегда должно быть «честным» (без озлобления и подлости, к которой относятся подножки, удары сзади, удары ногой, избивание упавшего) и проходить в присутствии всех одноклассников. Наказывать за «поединок» нужно обоих драчунов, но без разбирательств, нестрого и обязательно после их немедленного примирения. В Корпусе должно быть принято за правило: **«Кадет зла не помнит»**.

Для чего возвращаться к старому?

В истории Российских кадетских корпусов есть нечто мистическое, ничем, кроме Божиего волеизъявления, не объяснимое. Их ведь упразднили дважды. Первый раз – в ходе милютинской военной реформы 60-х годов XIX века, когда все корпуса, кроме Морского и Пажеского, были преобразованы в военные гимназии. В этом малопонятном свойстве они пребывали до 1882 года, когда волею Императора Александра III Александровича были восстановлены в прежнем, дореформенном виде. Второй раз кадетские корпуса подверглись настоящему погрому – «рабоче-крестьянское» правительство большевиков в начале 1918 года ликвидировало их как «рассадники контрреволюции». Казалось, все, конец истории. Но нет, генерал барон П. Н. Врангель в ноябре 1920 года вместе с Русской Армией эвакуировал из Крыма и три «кадетских монастыря», составленные из воспитанников разных корпусов - Донского Императора Александра III, Крымского и объединенного Одесско-Киевского. Все три приютил в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев король Александр I Карагеоргиевич. Одесско-Киевский просуществовал в Югославии (под именем 1-го Русского Великого Князя Константина Константиновича кадетского корпуса) до 1944 года.

В советское время тоже была попытка создать что-то подобное. Сталин подчеркивал, что Суворовские военные и Нахимовские военно-морские училища, правительственное постановление о создании которых появилось в 1943 году, в переломный момент нашей, Отечественной войны с фашистской Германией, должны были стать подобием *старых кадетских корпусов*. Это требование было выполнено: форма одежды, распорядок дня, бытовые условия - все взято из прошлого; курс обучения - семь лет, по истечении которых - экзамены на аттестат зрелости и направление годных для воинской службы в военные училища (без вступительных экзаменов). Хрущев сократил число таких военно-учебных заведений закрытого типа с 19 до 8 и перевел их воспитанников на двухлетний срок обучения. При Брежневеве создано еще одно Суворовское военное училище – в Ульяновске. Оно почему-то сохранило «титутлы» танкового военного училища, на базе которого формировалось, и стало называться парадоксально - «Ульяновское гвардейское Суворовское военное училище имени В. И. Ленина». Одновременно для воспитанников всех Суворовских и Нахимовского училищ был добавлен еще один год обучения.

И вот теперь, рядом с Суворовскими и Нахимовским училищами, кадетские корпуса возрождаются опять. И наша книга составлена специально для офицеров-воспитателей именно этих учебных заведений. А так как при составлении ее автор руководствовался не очень-то распространенными в нашем посткоммунистическом обществе взглядами на воспитание в подобных учебных заведениях, ему следует объясниться с читателем прежде, чем тот приступит к знакомству с предлагаемыми далее *педагогическими этюдами*.

Почти 60 лет в нашей стране существуют Суворовские военные и Нахимовское военно-морское училища. Это особая форма закрытого среднего учебного заведения, призванного дать

образование мальчикам, во взрослом состоянии предназначенным к службе в Армии и на Флоте. И вот парадокс: вдруг, инициативой частных лиц, в стране возрождаются кадетские корпуса – тоже мужские, закрытые и военизированные образовательные учреждения.

Идея их возрождения давно хранилась, по завету белогвардейской части послереволюционной русской эмиграции, среди кадет Российских кадетских корпусов в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев (этот когда-то многочисленный, а ныне небольшой отряд Русского Военного Зарубежья доживает свой век, главным образом, в обеих Америках). Но к нам она пришла отнюдь не из эмиграции. В конце 80-х годов XX-го, теперь уже прошлого столетия эта идея инстинктивно и автономно зародилась в отечественной русской молодежной среде - во множестве разбросанных по всей стране военно-исторических клубов и кружков.

Объединившиеся в них молодые патриоты были, в массе своей, убеждены, что военная история России - осто́в всей национальной истории, а военное сословие во все времена - наиболее деятельная часть нации в различных сферах существования и развития последней. Силою обстоятельств, любовь к Отечеству и эта их убежденность были обострены до предела. Уже отчетливо виделся крах советской государственной системы, уже не было никаких сомнений в несостоятельности интернационалистской коммунистической идеологии и практики. И самое главное - во всей своей громадности вставал вопрос о жизни и смерти русского государства. Инстинкт самосохранения подсказывал: спасение России - в новых людях, которых следует взрастить, воспитать. А форма питомника, способного дать народу аристократию национального духа, была известна - старый, традиционный кадетский корпус, который в прошлом поставлял обществу великих и малых, но всех одинаково честных и одинаково преданных Отечеству людей.

Почему же для решения задачи не подходило Суворовское училище?

У меня хранится злая карикатура на моих однокашников-суворовцев, подаренная мне в Воронеже одним из возрожденных Михайловского кадетского корпуса: некий скалозуб и киборг одновременно в советской военной форме с погонами генерал-полковника и со значком выпускника Суворовского училища пытается муштровать кадета-Михайловца, а тот с веселой мордашкой корчит ему рожицу - не на того, мол, нарвался. Ясно, что генерал-суворовец - представитель отжившего коммунистического мира. Так думали и думают не только в воронежском военно-историческом клубе. Такое же представление имеют и многие русские кадеты за рубежом. Не случайно в их среде с 1990 года, когда Господь судил мне первым установить с ними связь, и до сих пор идут жаркие дискуссии на тот счет, сотрудничать с суворовцами и нахимовцами или нет. Много личных дружеских отношений, большое доверие к отдельным из моих однокашников, но чтобы работать вместе и дружно - этого как не было, так пока и нет.

Ни ту, ни другую сторону ни в чем упрекать нельзя. Мы - разные, потому что по-разному воспитаны. Форма одна, а дух - противоположность. Они воспитывались **православными христоролюбивыми** воинами, мы - воинами-интернационалистами. От Бога отринули не только суворовцев, но и самого Александра Васильевича - у нас и на слуху не было ни его боевого клича *«Мы – русские, с нами – Бог!»*, ни его поучения: *«Молись Богу, от Него победа! Пресвятая Богородице, спаси нас! Святителю отче Николаю, моли Бога о нас! Без сей молитвы оружия не обнажай, ружья не заряжай, ничего не начинай. Всякое дело начинать с благословением Божиим!»*

В нынешних Суворовских училищах, в сравнении со «старыми», сразу послевоенными, изменилось многое. Самое главное - курс обучения сократился до трех лет. Суворовцами теперь становятся 14 – 15-летние юноши с установившимися характерами, со всеми достоинствами личности и со всеми ее пороками, с которыми пойдут уже сквозь всю жизнь. Воспитывать таких молодых людей по образу Суворова («образовывать») поздно – их нужно будет *перевоспитывать*, иначе говоря - ломать. А что получится из ломаного? Остается лишь обучение - набивка молодого мозга школьными знаниями, то есть то, что делает и обычная средняя школа. Нет, аристократию национального духа в Суворовском училище не воспитаешь. Кадетский корпус образца начала XX века – другое дело.

«Первая ласточка» – Донской Императора Александра Третьего кадетский корпус в Новочеркасске, имевший статус *частного воскресного* учебного заведения – появилась в 1991

году. Вспомним: это было время, когда, по мановению беспалой руки, поднялась высокая волна областнических «суверенитетов» - каждому племени, кроме русского, было дозволено взять самостоятельности столько, сколько оно могло *проглотить*. На гребне этой волны оказалось и движение казачества за свое возрождение - как «*отдельного народа*», физически почти уничтоженного в ходе строительства «светлого будущего». Кругозор казачьей старшины, донской - в том числе, был неширок, и ей не приходило в голову создавать «*какие-то*» кадетские корпуса. Но вне атаманских окружений нашлись люди (прежде всего, опять же среди членов военно-исторического клуба), которые догадывались: казачеству, чтобы оно и в самом деле могло возродиться как *войско* России, как ее *особое сословие*, нужны специально, в духе *старинны* подготовленные, образованные кадры. Эта догадка стала достоянием и группы уволенных в запас и отставку армейских офицеров. Она подтолкнула их к учреждению *частного казачьего* кадетского корпуса с воскресным распорядком занятий. А так как до 1919 года в Новочеркасске корпус существовал, то и новое образовательное учреждение было названо его полным именем – Донской Императора Александра III кадетский корпус. «Демократические» власти по одной своей природе должны были бы сопротивляться увековечению памяти о Царе-Миротворце в названии учебного заведения: как же, ведь что по советским, что по нынешним официальным понятиям – «реакционер»! Но в этом случае власти почему-то вдруг оказались покладистыми – то ли, хлебнув мороки с этим самоопределяющимся «отдельным народом» и уже побаиваясь казаков, они уступили из трусоватости, то ли просто прошляпили. Но надобности гадать нет.

Чуть позже стали учреждаться и другие кадетские корпуса. Говорить, что все они создавались по примеру Донского, по-моему, нельзя: идея, что называется, носилась в воздухе - как следствие отрицательной реакции общества на качество своего управительного слоя. Люди, в подсознании которых жила мысль, что порядок, которого не хватало и не хватает в стране, смогут в будущем навести лишь те, кто прошел школу *национального воинского* воспитания, совершенно самостоятельно ухватывались за эту идею. Самодеятельность «внизу» достигла такого размаха, что «демократическое» государство вынуждено было перехватывать инициативу: появляется указ президента, и кадетские корпуса получают право на существование, но не под знаменами военного ведомства, что было бы естественно, а в системе регионально-муниципальных учебных заведений. Формулируется и цель деятельности корпусов: кадет готовится не к воинской службе в офицерском чине, но к государственной службе вообще – на военном или гражданском поприще. Или еще любят говорить: «*готовится стать государственнымником*».

Интереснейшая штука – наш русский язык. Слова «государственник» ни в старых, ни в новых лексиконах нет, но в наши дни оно употребляется и в устной, и в письменной речи довольно активно. Ясно, что называя того или иного человека государственнымником, мы имеем в виду нечто, соотносящее этого человека с государством. Но вот *каким образом соотносящее?* Небезызвестный Горбачев – государственник? А несостоявшийся школьный учитель чекист Шеварднадзе? А приват-доцент, преподающий в университете государственное право? А говорливый думец, чей голос имеет определенное значение при принятии государственных законов? А министерский чиновник? А офицер, командующий, скажем, ротой? Когда мы употребляем слово «законник», образованное по тому же способу, что и «государственник», сразу понятно: говорим о человеке, который до конца знает любую букву закона и стоит на ней. Но тут...

Чтобы все-таки докопаться до истинного значения слова «государственник», разберем одно словарное гнездо – во главе с глаголом «служить». Для этого воспользуемся «Толковым словарем живого великорусского языка», составленного кадетом Морского корпуса Владимиром Ивановичем Далем. Вот примеры оттуда:

- Он служил людям своими знаниями.
- Где ни жить – одному царю служить.
- Служу Богу и Государю.
- Служить бы рад – прислуживаться тошно.
- Теперь чиновником служить выгодно.
- Архиерей служил соборне.

- Пока поп служит – попадаья тужит.
- В поле кто служит, о доме не тужит: где стал – тут и стан.
- Кому служу, того и руку (сторону) держу.
- Втянулся, вслужился и привык.
- Исслужился в нитку.

В каждом из этих примеров значение глагола «служить» свое. Однако, множество их, значений, может быть разнесено и всего лишь по двум определителям: в 1,2,3,6,7,9-ом примерах – речь о *служении*, в остальных – о *службе*. Ну и что, какая разница?

А разница есть. Произносим или пишем «служение» - и чувствуется эмоциональная настроенность на «дум высокое стремление», просматриваются определенные нравственные ориентиры. Не то - «служба»: чувства тоже могут иметь место, но лишь те, которые рождает обыденность – положим, удовлетворение от службы или неудовлетворенность ею, приносимая ею польза или бестолковость организации, сложность или простота обязанностей. Один пример из прошлого. Николай Михайлович Карамзин по служению историка, писателя и общественного деятеля - государственник. В доказательство – его письмо Императору Александру I по поводу намерения Государя «дать волю» Польше:

«Вы думаете восстановить древнее королевство Польское, – писал Карамзин, – но сие восстановление согласно ли с законом государственного блага России? Согласно ли с Вашими священными обязанностями, с Вашей любовью к России и к самой справедливости?.. Не клянутся ли Государи блюсти целостность своих держав? Сии земли уже были Россиею, когда митрополит Платон вручал Вам венец Мономаха, Петра и Екатерины... Скажут ли, что она незаконно разделила Польшу? Но Вы поступили бы еще незаконнее, если бы вздумали заглазить ее несправедливостью разделом самой России. Мы взяли Польшу мечом: вот наше право, коему все государства обязаны бытием своим, ибо все составлены из завоеваний. Екатерина ответственна Богу, ответственна истории за свое дело, но оно уже сделано и для Вас – свято уже: для Вас Польша есть законное Российское владение. Старых крепостей нет в политике: иначе мы должны были восстановить Казанское и Астраханское царства, Новгородскую республику, великое княжество Рязанское и т. д. К тому же и по старым крепостям Белоруссия, Волынь, Подолия вместе с Галицией были некогда коренным достоянием России...»

Доселе нашим правилом было: ни пяди ни врагу, ни другу. Наполеон мог завоевать Россию, но Вы, хотя и Самодержец, не могли даром уступить ему ни одной хижины русской. Таков наш характер и дух государственный... Государь, я отвечаю Вам головой за неминуемое действие целого восстановления Польши: мы бы лишились не только прекрасных областей, но и любви к Царю, остыли бы душой и к Отечеству, видя оное игралищем самовластного произвола».

Потом Николай Михайлович объяснял и еще:

«Если бы Александр, вдохновленный великодушною ненавистью к злоупотреблениям самодержавия, взял перо для предписания себе новых законов, кроме Божиих и совести, – то истинный гражданин российский дерзнул бы остановить его руку и сказать: Государь, ты преступаешь границы своей власти. Наученная долговременными бедствиями Россия пред святым алтарем вручила самодержавие твоему предку и требовала – да управляет ею верховно, нераздельно. Сей завет есть основание твоей власти: иной не имеешь. Можешь все, но не можешь законно ограничить ее».

Если кадетские корпуса нынешней России имеют своей задачей подготовку таких **государственников**, таких слуг Отечества, таких граждан, то корпусные педагоги должны делать все, чтобы их питомцы впоследствии сознательно, добросовестно и творчески служили Государству Российскому на военном или гражданском поприще. Решайся такая задача прежде всего через преподавание научных знаний, само существование кадетских корпусов как особых учебных заведений закрытого типа не имело бы смысла. Действительно, для чего одевать подростка в военную форму и подчинять воинскому порядку, для чего определенным образом ограничивать свободу учащегося, если успешное усвоение наук возможно и в других, не столь жестких рамках? Речь идет, конечно же, о том, что кадетский корпус - это особые

условия для **воспитания** молодых людей. Причем, условия наилучшие, и это доказано двухсотлетним существованием корпусов в Императорской России.

Каким в старину виделся (в идеале, конечно) кадет, выходящий из корпуса в самостоятельную жизнь? *Прежде всего* – искренно и деятельно **верующим христианином**, самоотверженно преданным Престолу, строго повинующимся законной власти и одушевленным сознательным чувством долга как верного слуги России. *Разумеется* – добрым и почтительным **сыном родителей**. *Непрерывно* – честным и трудолюбивым **гражданином**. *Наконец* – образованным, дельным и крепким духом и телом **воином**, смотрящим на службу государству и обществу не как на способ обеспечения личного благополучия, но как на благороднейшую цель всей своей жизни с полной готовностью пожертвовать ею для защиты Царя и Отечества от врагов внешних и внутренних. Другими словами, целью воспитания было сформировать характеры, которые заключали бы в себе:

а) **дисциплинированность** на основе осознания *идеи ранга** и почитания старших – как готовность *добровольного* подчинения распоряжениям, приказам, установленному порядку;

б) **честность и прямоту**;

в) **доблесть** как собирательное выражение душевного мужества, благородства, стойкости, великодушия и готовности жертвовать личным во имя товарищества;

г) **трудолюбие, целеустремленность, инициативность**;

В этих качествах у человека многое – от природы, но и они могут и должны быть развиты; причем, важно научить воспитанников, что не всякое средство оправдывается целью и что никакая инициатива не имеет права входить в конфликт с дисциплиной.

д) **преклонение перед красотой** и следование ей в мыслях и поступках, в манерах и в ношении формы одежды и т. п.;

е) **рыцарски чистое отношение к женщине**;

ж) **непримиримость к унижению достоинства человека** в себе и других.

В основе формирования личностей, именно такого свойства и качества, находились три главных средства: незыблемое постоянство определенного **порядка**, производительное **наполнение внеклассного времени** и неослабное поддержание **дисциплины**, приведенной в соответствие с дисциплиной воинской. Все эти средства работали, как правило, под искусным управлением воспитателей и неусыпным их надзором над кадетами.

Порядок достигался соединением в целое также трех составляющих.

Во-первых – **расписанием времени суток** с той продуманностью, которая дает возможность строго определять действия и поведение кадета в любую из минут. Утренняя побудка – не тянись, быстро встань, приberi постель и себя, настройся на трудовой день. Классы – не отвлекайся, будь внимателен, голова работает в соображениях. И так во всем.

Во-вторых – **требовательностью** наставников. Ее обоснованная ясность и неизменность делают для порядка гораздо больше, нежели многословные поучения. Более того, требовательность способна наглядно показать, как много сберегается времени и труда от привычки к порядку – тогда человек делает любое дело так, как требуется, не переделывая его по много раз.

В-третьих – **исключением праздного провождения времени**, «*понеже праздность, – как говорил Суворов, – корень всему злу, особливо военному человеку...*» Постепенно, без какого-либо давления на психику воспитанников нужно приучить их отдавать каждую минуту бодрствования работе души, ума или тела и, ни в коем случае, не потакать природной лени.

Очевидно, что ту же цель – воспитания – преследовало и обучение наукам, *учение*. Науки развивали таланты и такие свойства личности, как сообразительность, сметливость, упорство в реализации задуманного. Исходили из убеждения, что **образование = воспитание + учение**.

И в самом деле: **образование** – это формирование личности в целом, по какому-то *образу*, **воспитание** – формирование нрава, характера, а **учение** – формирование интеллекта. Воспитание стояло на первом месте, и не случайно, у каждого служилого человека в его *послужном списке* в графе «Образование» записывалось: **воспитывался** там-то и там-то. Например: «*Воспитывался в 1-й Казанской гимназии и на физико-математическом факультете Императорского Казанского Университета*». Или: «*Воспитывался дома и на юридическом факультете Императорского Московского Университета*». Или: «*Воспитывался*

во 2-м Московском Императора Николая I кадетском корпусе и Константиновском Артиллерийском училище.

В воспитании кадет должны, наверно, участвовать не одни только офицеры — штатские преподаватели тоже. Они с успехом могут использовать для этого свои занятия по дисциплинам основной и дополнительной программ. Почему, например, на уроке математики не рассказать кадетам, что первый в России учебник арифметики был составлен Леонтием Филипповичем Магницким, именно для кадет, так называемой Навигацкой школы в Москве (в будущем Морской корпус) еще в 1703 году; что единая программа преподавания математики была введена по повелению Императора Николая I именно в Российских кадетских корпусах и что составил ее академик Михаил Васильевич Остроградский, профессор многих военно-учебных заведений Императорской России? Почему бы на уроке физики не вспомнить кадета Павла Шиллинга, будущего члена-корреспондента Академии Наук, который в 1812 году изобрел электрическую мину, а в 1832 году создал первый практически пригодный электромагнитный телеграф? Или на уроке географии — кадета Николая Пржевальского, ставшего знаменитым русским путешественником, которому принадлежит честь первых описаний природы Центральной Азии и открытия многих хребтов, рек и озер в этом суровом краю? Или на уроке русского языка - кадета Владимира Даля, знаменитого собирателя русского фольклора и составителя Толкового словаря живого великорусского языка, а на уроке литературы - кадета и поэта Семена Надсона?

Теперь подчеркнем, что для воспитания малолетних в кадетских корпусах Императорской России создавались здоровые бытовые условия. Все роты размещались в здании корпуса отдельно одна от другой. В помещении каждой роты обязательно были:

- комнаты для классов;
- рекреационный зал;
- дортуары (спальные) со всеми необходимыми службами;
- комната для ротной библиотеки;
- комната для цейхгауза;
- комната для дежурного офицера;
- комната для приема посетителей.

Высота жилых комнат имела нормой не менее 3,91 метра. Ротное помещение оборудовалось не менее чем двумя выходами с просторными каменными или чугунными лестницами — для сообщения с другими этажами здания.

Для классов, в особенности младших рот, определялись преимущественно те части здания, которые обращены окнами на восток или юго-восток; окна декорировались серыми шторами. Для достаточного дневного освещения класса было принято за *minimum*, чтобы площадь окон в классной комнате относилась к площади ее пола, как 1 : 8. На каждого кадета (общим числом не более 30 человек) в классной комнате полагалось иметь: в старших классах – не менее 2,02 квадратных метров, а в младших – не менее 1,77 кв. м. При этом не допускалось, чтобы глубина класса превышала 8,53 метров. Двери из классов в коридор ставились застекленные.

Классные столы со скамьями располагались так, чтобы:

- свет из окон падал с левой стороны сидящих за столами кадет;
- между продольными рядами столов оставался свободный проход для учителя;
- кадеты не сидели близко к печам, окнам и дверям

Наиболее удобной классной мебелью признаются (и это правильно!) парные столы в виде пюпитров, выполненные заодно со скамьями с низкими крестцовыми спинками. Высота столов и скамей, как и расстояние между ними, соразмерялось с ростом кадет. Требованиям здоровья воспитанников и удобству самого учения подчинялись устройство и размещение всех прочих принадлежностей классной комнаты (учительской кафедры, матовых настенных досок с нанесенными на них мерами длины, штативы для карт и таблиц, столы для демонстрирования наглядных пособий и пр.). Особое внимание обращалось на освещенность классных комнат, в которых для кадета проходила большая часть суток.

Для дортуаров помещения выбирались с таким расчетом, чтобы на каждую кровать приходилось не менее 19, 43 кубических метров объема камеры. При недостатке в здании искусственных вентиляционных приспособлений, способных доставлять, *ad minimum*, по три

кубической сажени свежего воздуха на человека в час (=29,14 куб. метра) относительный размер жилого объема обычно увеличивали. Вообще для обновления воздуха во всех помещениях использовали, преимущественно, то время, когда они оставались пустыми; классные же комнаты, сверх того, проветривали по выходе из них кадет в перемены между уроками.

Во всех жилых комнатах температура воздуха поддерживалась, по возможности, равномерно постоянной:

- классы, рекреационные и столовые залы – от 16 до 19 градусов по Цельсию;
- дортуары – от 14 до 16 градусов;
- гимнастические залы, коридоры и лестницы – не менее 12 градусов.

С особым тщанием проветривались и осушались все вновь отделанные помещения. Кадет в них допускали не ранее, как через три недели после окончания штукатурных и малярных работ. Для отвращения сырости от частого мытья некрашенных досчатых полов их чистили и натирали щетками с мастикой, предварительно пропитав дерево несколько раз чистым горячим льняным маслом.

Кровати, длина которых соответствовала росту кадет, расставлялись изголовьями к внутренним стенам или к середине камеры, не приближая их к дверям, печам и окнам. На особой табличке, прикрепляемой к кровати на стержне (*цигель*), обозначалась фамилия кадета и присвоенный ему номер. Между кроватями располагались шкафчики (тумбочки) для хранения личных вещей кадет, а в ногах – табуреты, на которые воспитанники укладывали в порядке все снимаемое на ночь белье и платье. Спать разрешалось в одних рубашках, не закутывая головы и не закрывая байковым одеялом рук. Особого внимания требовал надзор за тем, чтобы ночью кадеты не выходили по нужде босиком и без теплой накидки.

По утрам каждый кадет, встав по сигналу, должен был откинуть на спинку кровати одеяло и простыню и оставить постель для проветривания.

Набивка тюфяков время от времени освежалась переваренным волосом, так же, как тюфяки, одеяла и кроватьные чехлы как можно чаще выколачивались на свежем воздухе. Под тюфяками и подушками запрещалось держать какие-либо вещи.

В продолжение дня кадеты не были допускаемы в дортуары – для поддержания порядка и надлежащей чистоты воздуха в спальнях покоев.

Рядом с дортуарами устраиваются:

- умывальня (по 1 крану на 6 кадет);
- уборная для чистки платья и обуви (площадью 12 – 15 кв. саженей = 55 – 68 кв. метров);
- клозеты (по 1 очку на 25 и 1 писсуару на 15 кадет).

Опрятность и чистоплотность кадет, исправность их одежды и обуви обеспечивались строгими требованиями к воспитанникам, что вырабатывало у них порядочность и гигиеническую правильность их будущей жизни вне стен заведения. При этом руководствовались обязательностью исполнения следующих правил:

- регулярные и частые омовения всего тела (нечистоплотность развивает в организме худосочие и усиливает раздражительность), ежеутреннее обтирание тела до пояса мокрым полотенцем или губкой с последующим вытиранием его насухо;
- тщательный уход за зубами – утром, вечером и после каждой еды;
- прогулки и подвижные игры на свежем воздухе после таких омовений;
- еженедельное мытье в бане:
- купание в летнее время – как можно чаще, но не прежде, чем через три часа после принятия пищи;
- смена столового, постельного и нательного белья не менее двух раз в неделю.

Принимались все меры к тому, чтобы кадеты не терпели недостатка в принадлежностях для туалета, стрижки волос, чистки платья и обуви, постоянно контролировалось, чтобы они всегда содержали в чистоте свои руки, голову, лицо, шею, уши и рот и отнюдь не носили длинных волос и ногтей.

Столовый зал рассчитывался для одновременной сервировки стола на всех кадет корпуса или же с разделением их не более, как на две смены;. Между рядами столов оставлялись достаточно просторные проходы.

Залы для строевых и гимнастических упражнений устраивались, предпочтительно, в нижнем этаже (на искусственном основании или на прочных балках).

Лазарет и его службы устраивался по особой инструкции врачами военно-учебных заведений.

Кадеты присутствовали при церковной службе: в воскресные и установленные праздничные дни - на Литургии, а накануне таковых дней - у всенощной; в определенное время бывали у исповеди и Св. Причастия. Для чтения в ротах ежедневной утренней и вечерней молитв назначалось определенное время.

Для учебных занятий вне классов (самостоятельной подготовки уроков) назначались ежедневно: после утреннего чая и до начала классных уроков - один час для всех; вечером от одного до полутора часов – для двух младших и от полутора до двух часов – для прочих классов. В дни неучебные, на самоподготовку, назначалось от полутора до двух часов и, сверх того, для обязательного чтения кадет с их воспитателями – от одного до полутора часов, которые не должны были предшествовать церковной службе. Накануне праздников, по вечерам, обязательных учебных занятий не назначалось.

Обязательные уроки по гимнастике и пению – не менее двух часов в неделю. Эти занятия, как и уроки танцев, могли назначаться в большую перемену между классными уроками и в другое свободное от классов время при условии, что телесные упражнения не будут проводиться непосредственно до или менее, чем через два часа после принятия пищи.

Для ежедневных прогулок на открытом воздухе каждой роте назначалось определенное время общей продолжительностью не менее часа – по несколько раз в день и только в светлые часы.

После обеда оставлялся свободным от всякого рода обязательных занятий по крайней мере один час. Для необходимого отдыха выделялось некоторое время каждый раз после умственных и телесных упражнений.

Считалось достаточным отводить на сон: для старших рот – 8 часов, для младших – 9 часов.

Распределение суточного времени:

- на умственные занятия в классах и вне классов – от 6 до 8 часов;
- прочие обязательные и необязательные занятия, прогулки, игры и отдых – от 8 до 9 часов;
- сон – от 8 до 9 часов.

На всякое время, особенно на лагерное, а также на продолжительные праздники и неделю говения, расписание занятий составлялось таким образом, чтобы кадеты, не предаваясь излишней праздности, имели достаточное время для отдыха и проводили свободные часы производительно и занимательно по их возрасту, всегда под воспитательным надзором, но вместе с тем – без напрасных стеснений.

Все подробности внутреннего порядка в корпусе определялись его директором. Общее наблюдение за внутренним порядком в целом заведении возлагалось на очередного ротного командира, а в классах во время уроков – на инспектора классов и его помощника; непосредственный же надзор за точным выполнением утвержденного распределения занятий в каждой роте лежало на обязанности ее командира и очередного дежурного офицера-воспитателя.

Главная фигура

Главной фигурой в кадетских корпусах был офицер-воспитатель. На эту штаб-офицерскую должность назначались лучшие офицеры из войск по рекомендации офицерского собрания полка или отдельной воинской части. Еще не исключаемые из полкового штата, они в течение двух испытательных лет проходили службу в кадетском корпусе, а затем, по признании их пригодности к педагогической работе, направлялись на двухлетние Военно-педагогические курсы. По окончании их офицеры-воспитатели переводились в ведомство военно-учебных

заведений и исключались из списков тех полков, в которых служили раньше. Вся система отбора кандидатов на должности воспитателей кадетских корпусов предполагала, что офицеры, предназначаемые к этой деятельности, сами являются высоконравственными людьми, истинными христианами и, по их стремлениям и убеждениям, надежными верноподданными.

В силу того, что в подборе педагогических кадров для кадетских корпусов участвовали общества господ офицеров, ошибки были редки. Можно сказать, что все воспитатели прекрасно понимали, в чем состоит их высокий долг: в постепенном и всестороннем приготовлении каждого воспитанника к творческо-нравственной деятельности, для которой воспитание физическое должно развить в нем необходимые силы, воспитание умственное – сообщить ему потребные знания и умения, а воспитание нравственное – направить волю его именно к такой деятельности.

Служебные обязанности офицера-воспитателя были немногочисленны: во-первых, непосредственное наблюдение за кадетами порученного ему отделения роты по части физического и нравственного воспитания и умственного образования; во-вторых, очередные дежурства по роте; в-третьих, постоянное педагогическое самосовершенствование, включающее изучение литературы как собрание опытов воспитания малолетних.

Для выполнения этих обязанностей воспитателю, при соответствующих его призванию качествах ума, сердца, характера и образования, благовоспитанности и физическом здоровье, требовалось:

- практическое здравомыслие,
- житейская опытность,
- понимание явлений телесной и душевной жизни детей вообще,
- умение обращаться с ними и способность подчинить их своему влиянию,
- близкое знакомство с настоящими условиями жизни общества,
- верная оценка пороков, заблуждений и слабостей, господствующих в современном обществе,
- ясное понимание требований офицерской службы, нести которую предстоит впоследствии большинству воспитывающихся в кадетских корпусах.

Воспитатель был обязан изучить организм каждого из вверенных ему воспитанников и постоянно наблюдать за состоянием их здоровья с обращением особого внимания на те болезненные проявления, которые, не имея острого характера, могут ускользнуть от внимания врачей:

- общие аномалии питания,
- бледность и ненормальный вид покровов тела,
- потеря аппетита,
- сонливость,
- зябкость и расположение к простуде,
- искривления скелета,
- неразвитость мускулатуры,
- ослабление зрения и слуха,
- порча зубов,
- слабость нервов,
- общая апатия,
- раздражительность,
- признаки онанизма и т. п.

Воспитателю необходимо было ознакомиться с духовною природою каждого его питомца как отдельной личности и с преобладающими чертами его характера и воззрениями.

И самое трудное – во всех своих суждениях, поступках и распоряжениях воспитатель должен стремиться к тому, чтобы действительно стать для каждого из своих питомцев лучшим образцом, авторитетным советником, участным и правдивым судьей. Если ему удастся достичь этого, то дело воспитания примет надлежащее направление, которое избавит наставника от необходимости беспрерывно прибегать к увещаниям, внушениям, угрозам и взысканиям – этой легкой, но обыкновенно малодейственной мере практического воспитания. Даже за стенами корпуса одно воспоминание о таком наставнике оказывается для бывшего его питомца

спасительным средством против всего злого и надежной поддержкой во всем добром. Но достижение такого результата обуславливается продолжительным воздействием наставника на воспитанника; при частой же смене воспитателей характер юноши может получить лишь несвязное, отрывочное развитие, а жизнь требует от человека цельности натуры.

Основные обязанности офицера-воспитателя относительно *умственного образования* вверенных ему кадет состояли в том, чтобы:

- следить за успехами своих воспитанников по всем предметам курса, для чего, по мере возможности, посещать уроки и своевременно выписывать из классных журналов в свой дневник баллы, полученные кадетами, и все сделанные о них учителями отзывы;
- во время классных занятий наблюдать за вниманием и поведением своих воспитанников, имея однако же в виду, что право распоряжения в классе принадлежит учителю;
- замещать в своем классе отсутствующего учителя, если не будет сделано другого на этот случай распоряжения, причем, каждый раз отмечать в особо установленном для записи классных уроков журнале, предмет и род своих занятий с кадетами в отсутствие учителя;
- присутствовать на всех испытаниях кадет своего отделения;
- получать от ротного командира и сдавать обратно все учебники, классные пособия и книги для чтения, выдавать таковые своим воспитанникам и следить за сохранностью всего выданного им на руки;
- вообще содействовать умственному развитию своих воспитанников, как прямую помощь им в приготовлении уроков, так и целесообразным выбором книг для чтения и предметов для бесед своих с воспитанниками.

Направления целостно-полного воспитания

Целостно-полным национальным воспитанием может быть только *военно-патриотическое воспитание*, которое предполагает формирование *души, интеллекта и тела* человека в едином педагогическом процессе, с целью подготовки благородно-творческого строителя национального государства и самоотверженного, физически сильного защитника Отечества. Таким образом, полнота воспитания в кадетском корпусе достигалась общими усилиями его педагогического персонала на едином пути *духовно-нравственного, воинского и физического* воспитания и *умственного* развития как в процессе учения, так и в свободное от классных часов время. Еще раз подчеркнем: **без воинской составляющей воспитание не может быть ни военно-патриотическим, ни, естественно, полным.**

Целостность воспитания кадет обеспечивалась:

- единством целей;
- единым подходом ко всем и к каждому;
- непрерывным надзором за воспитанниками и правильным, в согласии с православной верой, заветами предков, воинскими традициями, культурой народа, реагированием на поведение каждого кадета с преподнесением урока его товарищам;
- коллективным поиском наиболее действенных способов и методов формирования в малолетнем воине цельной, сильной и благородной личности;
- возможностью для воспитателей влиять на кадета в любом и каждом из направлений корпусной педагогики.

Направления эти – некие категории, всего лишь условно разделяющие целостный процесс образования. Действительно, как отделить *учение* или *физическое* воспитание от *духовно-нравственного*? А то, и другое, и третье – от *воинского*? Или – наоборот? Задача-то одна – развить и укоренить, *в рамках христианских добродетелей*, чувства (*душу*), мысли (*разум*) и телесные силы (*тело*) человека, призванного быть воином и командиром, гражданином и подданным, мужем и отцом.

Правда, современная педагогика пытается, вопреки здравому смыслу, дать самостоятельную жизнь каждому из умноженных ею же направлений. Кроме уже названных, она отличает в педагогической практике, например, еще и воспитания *трудовое, этическое, эстетическое, половое*. При этом нынешняя наука обязательно отсекает от духовно-нравственного воспитания религиозную составляющую и этим разрушает самую его основу...

Как будто возможно существование некоей *безбожной* нравственности! У этого явления другое имя – *безнравственность*.

Итак, *духовно-нравственное воспитание в корпусе*.

Религиозное чувство и любовь к родной стране, привитые ребенку в семье, получали в корпусе самое настойчивое развитие и были фундаментом, на котором строилась личность будущего офицера – одного из командиров христолюбивого воинства и защитника Царя и Отечества. Все наставники кадет придерживались принципа, сформулированного К. Д. Ушинским, который доказывал, что педагогика в России, как и вся культура, выросла на почве православной духовности, и нехристианское воспитание *вещь немислимая – безголовый урод и деятельность без цели*.

Каждый корпус имел свой православный храм с настоятелем и дьяконом. Храмовый праздник, как правило, был корпусным праздником, который, в свою очередь, имел значение и главного из светских торжеств. На амвоне, перед алтарем, устанавливалась знаменная сошка, в котором стояло зачехленное Знамя корпуса. Образ Спаса на нем, надпись *«С нами Бог!»*, Императорские вензеля ясно говорили, что это – *святыня людей, принадлежащих к христолюбивому воинству*. Один из самых ярких его представителей, если не самый яркий, незабвенный Александр Васильевич Суворов был в убеждении, что *ни руки, ни ноги, ни брненное человеческое тело одерживает победу, а бессмертная душа, которая правит и руками, и ногами, и оружием – и если душа воина велика и могуча, не предается страху и не падает на войне, то и победа несомненна, а потому и нужно воспитывать и закаливать сердце воина так, чтобы оно не боялось никакой опасности и всегда было неустрашимо и бестрепетно*. Любимец Суворова полковник Ф. В. Харламов рассказывал, как полководец готовил своих солдат к бою: *Собрав вокруг себя свой охотничий батальон, он рассказывал в пример о давно прошедших сражениях русских с турками, черкесами, татарами и поляками. В заключение полководец воскликнул: «Видите, ребята! С нами Бог! И кто переможет нас? Помолимся же Ему усердно, попросим у Него милосердия и отпущения содеянных нами грехов. И кому Бог подаст быть живым после дела, тот помянет убитых. Слышите, дети? Это хорошо, коль сделаем». После этого он упал на колени, и все ратники то же сделали и молились Присносущему, прося его благословить наше дело*. Суворовские солдаты и офицеры знали, что их генерал *умеет разрушать волшебство и козни дьявола именем Божиим, крестом да молитвою*.

Религиозное воспитание начиналось с первого класса и продолжалось до выпускного.

Учебная программа предусматривала изучение:

- в 1-м классе – истории Ветхого Завета,
- во 2-м – истории Нового Завета,
- в 3-м – богослужения,
- в 4-м – катехизиса,
- в 5, 6 и 7-м – истории Церкви и Вселенских Соборов.

Законоучителями обычно были: в 1 и 2-м классах – отец дьякон, в остальных – отец настоятель храма.

Третьеклассников, то есть кадет, как раз изучавших богослужение, по очереди брали в алтарь, чтобы они могли вблизи видеть приношение Бескровной Жертвы и ту часть службы, которая невидима стоящим в храме, когда Царские Врата закрыты. Специально нанимаемый регент во время службы руководил кадетским хором, набираемым добровольно, по первому желанию из кадет всех классов. Из всех же классов в лагерное время совершались паломничества в монастыри (не обязательно ближние) и к Святым местам.

Еженедельное посещение храма в субботу (вечерня и всенощная) и в воскресенье (проскомидия и Литургия) для оставшихся в корпусе кадет было обязательным. Кадеты стояли в строю по-ротно. Во время пения «Херувимской», «Тебе поем», «Отче наш» и во время чтения Евангелия все опускались на колени. На богослужениях непременно присутствовали директор корпуса, ротные командиры и некоторые офицеры-воспитатели.

Молитвы читались и пелись не только во время служб. Ежедневно это происходило в каждой роте перед ротными образами после подъема (перед утренним чаем) и на сон грядущий, а также: перед каждым вкушением пищи и после него – в столовой, перед началом уроков и

после них – в классах. В изголовье кадетских кроватей находились образки – благословение родителей, и редко кто забывал, прежде чем лечь в постель, помолиться еще и перед своей домашней иконушкой. Почитание икон выражалось и в том, что многие кадеты учились иконописи в специальных студиях при корпусных храмах.

Для всех воспитанников было обязательным говение во время Великого Поста. Везде оно организовывалось по-своему, и здесь пойдет ссылка, как на пример, на Одесский Великого Князя Константина Константиновича кадетский корпус. Говели по-ротно: 1 и 2-я роты – на первой неделе Поста, 3 и 4-я – на четвертой неделе. Говение начиналось со вторника. Со среды все занятия в говеющих ротах прекращались, и кадеты должны были присутствовать на всех службах в корпусном храме. В промежутках между службами говеющие могли выходить на плац, но особенно шумных игр не допускалось. В четверг и пятницу, между завтраком и обедом, кадеты говеющих рот (одной в день) исповедывались, а в пятницу и субботу (соответственно) причащались, приобщаясь Христовых Таин. После Причастия бывал улучшенный завтрак с неизменным крупным апельсином.

Постным стол в Великом Посту бывал в 1, 4 и 7-ю недели, а в остальные седмицы – по средам и пятницам.

Всеми отмечалось, что в недели говения жизнь в корпусе становилась тише и сосредоточеннее. Воспитатели собирали вокруг себя кадет и беседовали с ними или читали на религиозные и исторические темы.

Известно, что в кадетских корпусах воспитывались дети, исповедующие и другие веры: римо-католики, лютеране, магометане, буддисты. Для преподавания им основ их веры в корпус приглашались оплачиваемые из казны ксендзы, пасторы и муллы. По воскресеньям и праздничным для православных дням инославные кадеты во главе со старшим из них отпускаясь помолиться в своих храмах, как и в дни инославных праздников, выпадавших на православные будни. В последнем случае эти воспитанники освобождались от классных занятий. Так же, как и в православные праздные дни. Больше того, категорически исключалось запрещение отмечать православные праздники вместе со всеми. На Рождество Христово и на Светлую Пасху инославным кадетам подавалось то же самое угощение, что и другим. Какой-либо розни между православными и инославными в корпусах, как и в Армии, никогда не бывало. И здесь, кажется, кстати придется одна картинка.

В годы 1-й мировой войны командиром одного из Донских казачьих полков был назначен терский казак, но осетин магометанского исповедания генерал Эльмурза Мистулов. И вот его полк построен на молебен перед боем. Полковой священник начинает службу. Командир становится перед фронтом, и стоит, как все православные казаки, с обнаженной головой. Он не осеняет себя крестным знаменем, но неподвижен, как изваяние, и во всей его фигуре, во всей его изваянности – глубокое уважение к православным верующим и их вере...

Конечно, не все кадеты веровали одинаково. Религиозность в младших классах была непосредственнее и потому благоговейнее, но к Евангелию и Кресту все подходило со страхом Божиим и так же осеняли себя крестным знаменем. Кошунства корпуса не знали, тогда как в гимназиях и реальных училищах часто слышались кошунственные речи. Атеизма и безверия в «кадетских монастырях» не водилось. Сказывалась сила традиции и тех начал, которые были заложены в первых классах и потом поддерживались офицерами-воспитателями в старших, когда молодые сердца более восприимчивы к добру и вере. В боевых условиях, связанные с юношескими молитвами переживания способствовали прорастанию боголюбивых семян, и большинство последнюю свою минуту встречали спокойно и без страха, с молитвой «Ныне отпускаеши...»

Вопрос религиозного воспитания в возрождающихся корпусах стоит остро. Многие представители их педагогического персонала признают его фундаментом всего воспитания кадет, некоторые – отрицают в таком качестве. Всякую религию, прежде остальных – православие, они просто выбрасывают из воспитательной практики. Что в основе воспитания – неизвестно. Но самое сильное, глухое противление идет, кажется, со стороны верхних чиновных педагогов. То и дело слышится: у нас Церковь отделена от государства, от государственной школы с ее светским образованием, и, следовательно, священнослужителям в классах места нет. Эта позиция утверждается и среди педагогов некоторых кадетских корпусов.

Спрашивается: как можно говорить о национальном воспитании не на основе национальных религиозных верований? Вся наша нравственность – от них и из них. Нельзя же насаждать товарищество на принципах пресловутого интернационализма или на модном теперяшней понятии «гражданин мира». Мы обязаны, верим в Бога или нет, сказать ребенку правду: заповеди воинского ТОВАРИЩЕСТВА, кадетского в том числе, начинаются евангельским заветом: *Больше сея любви никтоже имеет, да кто душу положит за други своя* («Нет больше той любви, когда человек кладет душу свою за друзей своих»). И именно в свете этой заповеди необходимо внушать воспитанникам, что причинение обиды словом или действием своему товарищу, особенно младшему или более слабому, – позор для всех одноклассников обидчика. Старшие должны охранять и защищать младших, как братьев.

И потом, как быть с реализацией конституционного права свободы совести и исповедания? Закон Божий, кроме всего – это и конкретное знание, которому, в силу исторических обстоятельств, в большинстве наших семей не учат. Что же, какое право может реализовывать человек в гражданском состоянии? Дайте это знание ребенку, а он сам, повзрослев, решит самостоятельно и добровольно, с Богом ему быть или с безбожным интернационалом.

И еще. В корпусах, как и в наших школах, гимназиях и лицеях есть уже верующие дети. Даже только поэтому педагоги, в уважение чувств верующих воспитанников, не имеют права на атеистические высказывания о том или ином предмете истории и современности. Тем более, что и для них является очевидностью следующий факт: *знание*, то есть дело *памяти, смекалки, практических навыков*, в отрыве от *духа, совести, веры* разнуздывает человека тем, что дает в его распоряжение жизненно-выгодные возможности, которыми он может злоупотреблять; формальная «образованность» *вне веры, чести и совести* работает не на национальную культуру, а на разврат пошлой цивилизации. Поэтому лучше всего (идеальное положение), если все воспитатели и учителя в кадетских корпусах по своим убеждениям сами будут *истинными православными христианами*. Есть пожелание и к священнослужителям, берущимся преподавать кадетам Закон Божий – они должны быть *хорошими педагогами*. Вообще требование совместного участия (опять же в идеале) учителя и священника в духовно-нравственном воспитании естественно – вместе они точнее определят и соответствие преподаваемого на уроках Закона Божия знания возрасту ребенка, и меру разумности религиозного содержания в других предметах учебного курса.

Приобретение знаний в кадетских корпусах тоже сопровождалось облагораживанием души. Особенно на уроках словесности, истории, географии, законоведения. Впрочем, и на других тоже. Скажем, в одном из корпусов был преподаватель химии, который без разговоров ставил за ответ «кол», если кадет называл Ломоносова или Менделеева просто по фамилии – нужно было обязательно назвать и их имена-отчества. Каприз? Нет, требовательное, даже жесткое приглашение к уважению великих трудов великих людей. Другими словами, побуждение молодой души к нравственной оценке того или иного лица, того или иного явления. И пример того, что *учитель должен не только вбивать в головы факты своей науки, но и развивать воспитанника умственно и нравственно*.

Остановимся здесь на духовно-воспитательной роли изучения родного языка. А чтобы подчеркнуть ее значимость, воспользуемся чужестранным опытом. Когда Франция начала разворачивать свою национальную космическую программу, обнаружилось, что в стране нет достаточного количества квалифицированных математиков, физиков, химиков, инженеров. Страшное потрясение! Для выяснения причин такого кризиса срочно создали авторитетную комиссию. Она работала год. И вот, в ее заключении, одной из первых причин недостатка в кадрах было названо плохое положение с изучением в *младших классах средней школы* французского языка и французской литературы. Другими словами, бедственное положение с кадрами оказалось следствием и небрежения к родному языку именно в том возрасте детей, когда формируется их способность к воображению да и вообще все творческие способности.

Как уже говорилось, Великий Князь Константин Константинович всячески внедрял в воспитательную деятельность персонала корпусов педагогическую систему К. Д. Ушинского. А наш великий педагог смотрел на русский язык как на важнейшее средство духовного развития человека. Чтобы яснее представлялась его позиция, придется привести довольно пространную цитату из статьи Константина Дмитриевича «Родное слово»:

*«Язык народа есть целое органическое его создание, вырастающее во всех своих народных особенностях из какого-то одного, таинственного, где-то в глубине народного духа запрятого зерна. Язык народа – лучший, никогда не увядающий и вечно вновь распускающийся цвет всей его духовной жизни, начинающейся далеко за границами истории. В языке одухотворяется весь народ и вся его родина; в нем претворяется творческой силой народного духа <...> весь тот глубокий, полный мысли и чувства голос родной природы, который говорит так громко о любви человека к его иногда суровой родине, который высказывается так ясно в родной песне, в родных напевах, в устах народных поэтов. Но в светлых, прозрачных глубинах народного языка отражается не одна природа родной страны, но и вся история духовной жизни народа. Поколения народа проходят одно за другим, но результаты жизни каждого поколения остаются в языке – в наследие потомкам. В сокровищницу родного слова складывает одно поколение за другим плоды глубоких сердечных движений, плоды исторических событий, верования, воззрения, следы прожитого горя и прожитые радости – словом, весь след своей духовной жизни народ бережно сохраняет в народном слове. Язык есть самая живая, самая обильная и прочная связь, соединяющая отжившие, живущие и будущие поколения народа в одно великое, историческое живое целое. Он не только выражает собой жизненность народа, но есть именно самая эта жизнь. **Когда исчезает народный язык - народа нет более.**»*

А далее следует вывод:

«Являясь, таким образом, полнейшей и вернейшей летописью всей духовной многовековой жизни народа, язык в то же время является величайшим народным наставником, учившим народ тогда, когда не было еще ни книг, ни школ, и продолжающим учить его до конца народной истории. Усваивая родной язык легко и без труда, каждое новое поколение усваивает в то же время плоды мысли и чувства тысячи предшествовавших ему поколений, давно уже истлевших в родной земле или живших, может быть, не на берегах Рейна и Днепра, а где-нибудь у подошвы Гималая. Все, что видели, все, что испытали, все, что переживали и передумали эти бесчисленные поколения предков, передается легко и без труда ребенку, только что открывающему глаза на мир Божий, и дитя, выучившись родному языку, вступает уже в жизнь с необъятными силами. Не условным звукам только учится ребенок, изучая родной язык, но пьет духовную жизнь и силу из родимой груди родного слова. Оно объясняет ему природу, как не мог бы объяснить ее ни один естествоиспытатель; оно знакомит его с характером окружающих его людей, с обществом, среди которого он живет, с его историей и его стремлениями, как не мог бы познакомить ни один историк; оно вводит его в народные верования, в народную поэзию, как не мог бы ввести ни один эстетик; оно, наконец, дает такие логические понятия и философские воззрения, которых, конечно, не мог бы сообщить ребенку ни один философ.»

Известно, что любовь к родному языку прививается через чтение. Чтению в корпусах учили не только на уроках словесности, но и в свободные от классных занятий часы. В обязанности офицеров-воспитателей младших классов входило чтение воспитанникам вслух произведений религиозной, художественной и исторической литературы, подбираемой соответственно возрасту и уровню развития слушателей. Насколько такая практика была плодотворной, можно судить хотя бы по тому, что в старших классах иногда уже приходилось и унимать желание кадет окунуться в таинственный книжный мир: многие не удерживались от соблазна почитать интересную книгу и на уроках – в ущерб знаниям из того или иного предмета.

Не было, корпуса, в котором не работал бы литературный кружок. Увлекались поэтическим творчеством. Сочинения кадет публиковались в корпусных периодических изданиях – листках и журналах. Скажем кстати: когда сегодня читаешь воспоминания царских кадет, невольно обращаешь внимание на то, насколько сочен, образен и свободен – одним словом, красив – их русский язык. Ни птичьего щебета приват-доцентов, ни зауми модных когда-то публицистов – только широкий и светлый поток ясной русской речи!

Если говорить о нашем времени, то следует со всей определенностью констатировать, что овладению родным языком сегодня прямо мешают телевидение и другие средства массовой информации. Язык радио и тележурналистов, равно как и газетчиков, – это какая-то **гремучая**

смесь псевдонаучного лексикона с грязью уголовного жаргона и перевираемыми американизмами. Часто, к тому же, эта смесь скрывает за собой ядреное невежество говорящего или пишущего. Однако это – только полбеда. А вся беда в том, что *такой* язык вкупе с кинопродукцией Голливуда, заполонившей телеэкран и ничего не насаждающей в душах, кроме жестокости, алчности и похоти, извращает нравственные чувства детей. Установку надежного заслона всему тому злу, которое несет кадетам нынешняя насквозь интернационалистская журналистика, нужно рассматривать не как некую цензуру, ущемление свободы слова, но как прямое обеспечение «прав человека», в частности его права на чистоту духовной жизни. Больше того, отсутствие такого заслона сводит на нет все преимущества воспитания в закрытом учебном заведении.

Особое место в воспитании кадет отводилось отечественной истории. Ведь охаивание всего родного у нас началось не сегодня. Известный историк начала XX века Нечволодов, автор учебника по истории России, переиздававшегося около двух десятков раз, писал: *«Как известно, мы очень усердно только отрицаем и обличаем нашу историю и о каких-либо характерах и идеалах помышлять не можем. Идеальность своей истории мы не допускаем. Какие у нас были идеалы, а тем паче герои? Вся наша история есть темное царство невежества, воровства, суесвятства, рабства и так дальшие. Лицемерить нечего – так думает великое большинство образованных русских людей. Ясно, что такая история воспитывать (правильно воспитывать. – Е. И.) не может. Самое лучшее, как может поступить юноша с такой историей – это совсем не знать, существует ли она. Но не за это ли самое это большинство русской образованности несет, может быть, справедливый укор, что оно не имеет почвы под собою, что оно не чувствует своего исторического нравственного сознания, а потому и умственно, и нравственно носится попутными ветрами во всякую сторону.»*

Никогда не упускалось из внимания, что молитва, а рядом с нею – язык, песня, сказка, жития святых и героев, поэзия, история страны и ее армии, то есть все то, что наш русский философ Иван Александрович Ильин называл **национальными педагогическими сокровищами**, есть не что иное, как главные источники чувств, на которых и следует строить все воспитание. Ильин говорил, что *национальный дух последнего необходим каждому русскому и каждому здоровому человеку.*

Во возвращении души не бывает пустяков. Казалось бы, какая разница, умеет юноша танцевать мазурку или привык на балу припирать стены. Но ведь корпусной бал – это целое событие. Он бывал один раз в году, на корпусной праздник, и значит, что только на нем кадет и мог общаться с дамским обществом. Да не просто болтать и балагурить, но непременно показать себя настоящим мужчиной. То, что в сегодняшней школе зовется половым воспитанием, тогда называлось **рыцарским**. Барышня, женщина была для кадета той тайной, которая требовала к себе благоговейного отношения и преклонения. Трепетное касание девичьей талии в танце навевало мечты отнюдь не о *безопасном сексе*, но о создании с этим милым существом настоящей **офицерской семьи**, в которой все дети продолжают родительское дело – мальчики тоже пойдут в кадетский корпус, а девочки вырастут заботливыми хранительницами домашнего очага. Голодная, холодная, бесприютная жизнь семей русских белых офицеров в изгнании (а среди них большинство составляли кадетские семьи) доказала всю правильность воспитания в кадетских корпусах и в женских институтах – супружеские пары, наметившиеся еще на корпусных балах, оказались нерушимо прочными даже под ударами самых лихих мытарств. И даже там, в Зарубежье, свой долг перед Россией осознавали не только мужья, но и жены. Игорь Николаевич Андрушкевич рассказывал мне, как на упрек какого-то умника в незначительности общественной пользы от офицерских жен ответила старая генеральша. *Мы платим свой долг Отечеству, – сказала она с достоинством, – кровью своих сыновей...*

Духовно-нравственное воспитание определяло и объединяло в сплетении и два других направления педагогики в кадетских корпусах.

Начнем с **воинского** как определяющего главную особенность учебного заведения. Усилия педагогов на этом направлении были призваны на основе традиций воинского товарищества и кадетского братства привить воспитанникам чувства гордости за их

принадлежность к корпусной семье, сформировать понимание долга служения Отечеству и чести, выработать и закрепить привычку к субординации, к неустанному совместному труду в совершенствовании своих знаний и умений, в развитии волевых качеств характера.

Главный инструмент воспитания – *строй*. С первого своего шага в кадетской форме ребенок должен был знать, что это – *святое место*: в строю воин приносит присягу на верность солдатскому долгу, из строя отходит к Богу душа православного воина. Кадету нужно было усвоить, что человека, посвящающего свою жизнь служению Отечеству, строй учит идти к успеху по ступенькам, которые в гениальной простоте и гениальной последовательности определил для русского офицера великий Суворов. Сперва – *субординация*, альфа и омега всего воинского естества, потом – *экзерциция*, то есть совместные упражнения и закалка в них. Все это дает *дисциплину*, слагающуюся из чинопочитания и совместного воинского учения, а дисциплина – мать *победы*. Победа же рождает *славу* Отечества, которому ты служишь.

Строй – первое средство укоренения кадет в подчинении субординации и дисциплинированности. Об этом хорошо было сказано в Инструкции кадетским корпусам по воспитательной части, и здесь не помешает воспроизвести пространную цитату. Итак: *«Сущность воспитательного дела требует, чтобы воспитанник, не могущий еще иметь верного мерила для разумного самоопределения, подчинял волю свою воле воспитателя. Подчинение есть только одно из средств воспитания, а не конечная цель его; эта последняя заключается в повиновении воспитанника нравственному закону, который должен, наконец, обратиться в его личную совесть. Но пока еще воля воспитанника не вполне согласуется с нравственным долгом, воспитанник обязан безусловно подчиняться приказанию или запрещению воспитателя, который должен, в свою очередь, формулировать их по возможности кратко и вполне определенно, чтобы воспитанник с точностью знал, что именно следует и чего не следует ему делать. Вместе с тем воспитатель должен быть всегда воздержан и осмотрителен в отдаче приказаний, требуя от воспитанников лишь действительно необходимого и возможного, а затем не допускать уклончивости в точном исполнении требуемого и деятельно преследовать неповиновение, в особенности же соединенное с обманом.»*

Строй категорически отвергает грубость во взаимоотношениях, несдержанность, жестикуляцию (безобидную только на первый взгляд). Он учит *этике* поведения, активно участвует в *этическом воспитании* малолетних – наравне с таким же воспитанием в обучении хорошим манерам поведения за столом, в обществе, в присутственных местах, на улице.

Единообразие формы одежды, безукоризненное равнение рядов и шеренг кадетского строя приучает с малолетства к *красоте*. Строй, приучая к опрятности, категорически не признавал неряшливости в ношении формы, грязной обуви, рук в карманах, оборванных или болтающихся пуговиц и прочих «мелочей», на которые в наше время, к сожалению, не всегда обращается внимание. Строй был и инструментом *эстетического воспитания*, наравне с таковым на уроках рисования и пения, в художественных студиях и музыкальных коллективах, в занятиях танцами и драматическим искусством, на поэтических вечерах и в конкурсах исполнения строевых песен. Надо сказать, что русская солдатская и народная песня, это драгоценное наше национальное достояние, использовалась в педагогике кадетских корпусов особенно активно. Прежде всего, в хоровом исполнении ее. Кадет учили петь, и они умели петь. В их парадных, походных и бивачных песнях прославлялись и страна, и ее герои, и славные русские полки, и корпус, и воинские традиции, и товарищество. В них лихость и веселье перемежались чувством любви к отцу с матерью, к родной природе, к необозримому русскому приволью – ко всему, что соотносилось в мальчишеской душе с понятием *Отечество*. Причем, строй не терпел *лая* вместо *пения*, и не случайно строевая песня кадет, если она звучала на городских улицах, вызывала неподдельное восхищение обывателей, буквально валивших послушать ее. А если пели в походах по окрестностям своего города – на так называемых полевых прогулках, кадетская песня вторила самой природе, сливаясь с симфонией ее звуков. Природа всегда нравственна, и такое слияние заметно усиливало влияние хорового пения на молодые души

Далее. Четкие и слаженные действия в любом строю – это всегда *нелегкий коллективный и индивидуальный труд* и всегда *трудовое воспитание*, наравне с трудовым воспитанием, с приучением к труду в соборной и личной молитве, в классных и спортивных занятиях, в

работах на корпусном садовом участке, в ремеслах, в уборке жилых помещений и дворовой территории, в соблюдении опрятности и аккуратности. Исходили опять-таки из положения системы Ушинского: *Само воспитание, если оно желает счастья человеку, должно воспитывать его не для счастья, а готовить к труду жизни... Воспитание должно развить в человеке привычку и любовь к труду; оно должно дать ему возможность отыскать для себя труд в жизни, зажечь в нем жажду серьезного труда, без которого жизнь его не может быть ни достойной, ни счастливой.*

По внушению кадету всего, что сказано выше, и по осознанию им всего этого ребенок никогда не мог увидеть во «фронтном учении» какую-то муштру. Наоборот, любое строевое занятие или просто передвижение в ротной колонне невольно напоминало ему о близости мечты оказаться, наконец, в старшей, строевой роте и получить заветную боевую винтовку. Ружейные приемы кадетский строй обычно выполнял настолько четко и красиво, что вызывал восхищение даже таких строгих ревизоров, какими были все офицеры гвардейских пехотных полков.

А вывод тут хотя и не мудреный, но очень важный: стоя в строю *весело, но без улыбки*, даже малыш наполнится великой соборной силой и, гордо расправив плечи и грудь, научится чувствовать себя способным выполнить любой приказ. Строй при умелом командире-воспитателе учит подростка любить военное дело, влюбленность в которое – верный залог его успешной ратной государственной службы или надежный помощник даже и в службе гражданской.

Физическое воспитание – брат *воинского*. Не случайно в кадетской среде любого человека, отличающегося лихой строевой подтянутостью вкупе с физической развитостью, звали «пистолет».

Физическое воспитание в корпусе было немыслимо без приучения кадет к соблюдению определенных гигиенических норм и к закаливанию организма. Здоровье – основа физического развития. И если перефразировать Суворова, то можно сказать, что *болезненного человека развивать физически – все равно, что ржавое железо точить*. Поэтому каждого воспитанника с первого дня его пребывания в корпусе приучали к тому, чтобы он ежеутренне и ежевечерне чистил зубы, омывал холодной водой все тело до пояса, ежедневно холодной же водой мыл ноги и всякий раз после работы или посещения туалета, а также перед каждой едой мыл с мылом руки. Кадет спал только на правом боку, высвободив из-под одеяла руки и плечи. Ему категорически запрещалось *курить*. В строю и вне строя воспитатели обращали особое внимание на осанку своих воспитанников: неискривленный позвоночник – это развитая грудь, это мощный дыхательный аппарат, это вообще здоровье.

К сожалению, в кадетских корпусах не было утренней физической зарядки и специальных уроков физического воспитания. Считалось, что для телесного развития кадет достаточно того свободного от классов времени, которое отводилось для игр и физических упражнений то ли на воздухе, то ли в спортивном зале. Несколько комплектов гимнастических снарядов (перекладина, параллельные брусья, кольца, «кобыла», «козел»), «шведские стенки» с вертикальными и наклонными лестницами, шесты и канаты для лазания по ним, холодное оружие и костюмы для фехтования*, лыжи и коньки, «гигантские шаги»**, городошные площадки с битами и рюхами, площадки для лапты и «отбойки» (нынешний волейбол), поднятое над землей горизонтальное бревно (бум) – вот перечень того, что имели в своем распоряжении кадеты всех корпусов.

Могу сравнить это с тем, что было у нас, когда я учился в Казанском Суворовском училище, – все то же самое плюс футбольное поле, зимой превращавшееся в каток для бега на коньках и для хоккея с мячом, две баскетбольные площадки, теннисный корт, 200-метровая полоса препятствий, ямы для прыжков в длину, высоту и с шестом, борцовский ковер, боксерский ринг с достаточным количеством перчаток и тренировочных снарядов, помосты для занятий с «железом» (штангой и гирями), конюшня с 30 верховыми лошадьми* в ней, стрелковый тир. Плавательного бассейна**, как и старые кадетские корпуса, мы тоже не имели и плавали только летом – на Казанке, в лагерном озере и в тех водоемах, которые были вблизи места проведения каникул. В отличие от кадетских корпусов старого времени, у нас регулярно проводились уроки физического воспитания, очень часто, можно сказать, еженедельно, кроссы

(весной и осенью – легкоатлетические, зимой – лыжные), каждое утро и при любой погоде мы выходили в наш парк для утренних физических упражнений. Только при морозе ниже 20 градусов они заменялись прогулкой в шинелях тоже получасовой продолжительности.

Но вернемся к кадетским корпусам прошлого. Физическое развитие кадет проходило под постоянным контролем корпусных врачей, рекомендации и требования которых являлись неукоснительными для ротных командиров и офицеров воспитателей. Авторитетом медицины устанавливалась мера сочетанности в интеллектуально-физическом развитии воспитанников. Помнили, что чрезмерный избыток умственных усилий в детском и юношеском возрасте наносит неисправимый вред не только физическому, но и духовному развитию человека. Потому и был налажен строгий надзор за количественным отношением и напряженностью интеллектуальных и физических нагрузок.

Таким образом, физическое воспитание кадет, идя рядом с воспитанием духовным, умственным и воинским, строилось так, чтобы воспитанники, получив хорошее телесное развитие и настоящую закалку, выходили из корпуса полноценно здоровыми молодыми людьми, обладающими такими *боевыми* качествами, как сила, выносливость, ловкость, скорость реакции, смелость. +

* Простое, но чрезвычайно полезное устройство: прочно сидящий в земле столб высотой 6 метров и диаметром 20 – 25 сантиметров с закрепленной на его верху надежной металлической крестовиной, в горизонтальной плоскости вращающейся на подшипнике; четыре пеньковых каната, с одного своего конца образующие глухую, с постоянным размером петлю (длина ее 80 – 90 сантиметров), прочно прикрепляются по одному к каждому лучу крестовины с таким расчетом, чтобы в висячем положении нижний край петли отстоял от земли на 10 – 15 сантиметров. Четверо кадет, продев в петлю правую ногу, отходили от столба сколько можно и начинали разбег по кругу против хода часовой стрелки, улавливая момент, когда можно сделать прыжок вверх и в сторону. Чем выше становилась скорость бега, тем выше кадеты взмывали ввысь, а шаги их и в самом деле становились гигантскими. Особенно высоко летали старшие кадеты. Но малыши, во всем подражая им, тоже были неплохими «сороходами».

** В нашем Суворовском училище было особенно популярным групповое фехтование на эспадронах по-мушкетерски – «бои султанчиков». Наверху маски каждого бойца закреплялся бумажный султанчик. Команды различались по его цвету. Если в бою противник срубит это «украшение» – сразу, по сигналу судьи, становись на одно колено и не двигайся. Победа доставалась той команде, в которой оставался хотя бы один несрубленный султан. Не менее популярным, а главное более массовым, было фехтование на карабинах с эластичным, закругленным на конце штыком. В занятиях этим видом спорта развивались навыки рукопашного боя в кульминационный момент атаки на «неприятеля».

(Настоящий отрывок взят из статьи полковника Е. П. Исакова «О нашем национальном опыте», вошедшей в состав книги этого автора «К заветной доблести», Москва, 2002, изданной на средства зарубежных кадет В. И. Турского и А. М. Ермакова).